

Глава 13

После лекарства Цзян Сяоэр почти перестал кашлять. Когда Цзян Сяои вернулся, Бай Цзыму, раскинув лапы, спал на кровати. Цзян Сяоэр сидел рядом и что-то шил.

Цзян Сяои подошёл к кровати. Увидев, как сладко спит медвежонок, его животик мерно вздымается, он не удержался и улыбнулся, ткнув пальцем в его мягкий живот.

Бай Цзыму отреагировал на щекотку, дёрнув короткой лапкой. Цзян Сяои подумал, что разбудил его, но медвежонок просто перевернулся, повернувшись к нему своим круглым голым задом, и затих.

Цзян Сяои снова рассмеялся, перекинулся парой слов с Цзян Сяоэром и пошёл на кухню.

С утра осталось три лепёшки. Они уже остыли, но в такую жару разогреть их не было нужды. Он сварил большую кастрюлю овощного супа — вот и весь обед.

— Сяосань, на улице жарко. Поиграй в комнате со вторым братом, никуда не убегай, — сказал Цзян Сяои, убрав на кухне, и взял со двора корзину. Цзян Сяосань, дремавший на пороге, моргнул, вскочил и, подбежав, обнял ногу брата.

— Брат, ты куда?

— В город, за рисом, — ответил Цзян Сяои.

Цзян Сяосань потёр глаза.

— О, — сказал он тоненьким голоском, — тогда возвращайся скорее, брат. Сяосань будет хорошим мальчиком и будет ждать тебя дома.

Цзян Сяои погладил его по покрасневшему от солнца лицу. Увидев, что из носа снова показались две сопливые дорожки, он достал из кармана старый платок, вытер ему нос и отряхнул грудь.

Цзян Сяосань был ещё мал и не умел носить вещи аккуратно, обычно он просто тащил их в охапке. Тыквенные плети росли по земле, и на них неизбежно была грязь. Сегодня он таскал их туда-сюда, и его грудь была вся испачкана. От пота грязь прилипла и не отряхивалась.

Одежда на нём и на Цзян Сяоэре была перешита из старых вещей отца. Поскольку это была рабочая одежда, она была тёмного, недетского цвета. От частых стирок ткань на груди, воротнике и рукавах выцвела и истёрлась сильнее, чем в других местах. Одежда выглядела пятнистой, что делало её неопрятной и грязной на вид.

Цзян Сяои был постоянно занят и не каждый день мог ходить к реке стирать. Если он уходил в горы за хворостом, то на весь день, возвращаясь лишь затемно.

Вот и сейчас: днём — в город, после обеда — снова на работу. Если переодеть Цзян Сяосаня, а у того было всего два комплекта тонкой одежды, то завтра ему нечего будет надеть.

К тому же грубая ткань от частых стирок быстро изнашивалась.

Другие дети пяти-шести лет в деревне, за исключением тех, чьи родители были ленивы и неряшливы, обычно выглядели чище. Они не работали, и пачкались, только играя в грязи, но в целом были опрятными. Цзян Сяосань же всегда ходил с братом на работу. А работа — это всегда грязь. Вдобавок старая одежда и вечно текущий нос делали его вид неопрятным круглый год. Другие дети и некоторые взрослые сторонились его, не разрешая своим детям с ним играть. Цзян Сяои боялся, что его снова обидят, и велел ему оставаться дома.

— Дверь во двор не забудь закрыть, — сказал Цзян Сяои, поглаживая его по голове. — А то мишка сбежит. Иди поспи в комнате. Когда я вернусь, снова возьму тебя на работу.

Цзян Сяосань энергично кивнул, его хвостик на макушке забавно подпрыгнул.

— Угу! Сяосань будет слушаться, Сяосань самый послушный!

Цзян Сяои улыбнулся.

...

Деревня Сяошань находилась недалеко от города Пинъян, всего в нескольких ли. Цзян Сяои, купив рис, не стал задерживаться и направился прямо в лавку с благовониями.

Там продавали не только благовония, косметику и украшения, но и скупали некоторые вещи, в основном искусно вышитые платки.

Заколка, которую отец купил когда-то, так и не была подарена. Он завернул её и спрятал в сундук под кроватью. Она выглядела как новая, но, поскольку это была вещь, бывшая в употреблении, да и материалы были не самые лучшие, цена, конечно, была ниже, неважно, новая она или нет.

В итоге, после долгих торгов, Цзян Сяои продал её за шестьдесят вэней. Скрепя сердце он купил полциня мутного вина и поспешил обратно. На полпути он встретил своего дядю. Перекинувшись парой слов, он узнал, что тот ходил в деревню Люцзян на разведку.

Цзян Сяои не стал расспрашивать подробнее, разговор перешёл на другие темы. Дядя спросил,

когда он собирается сажать сою, так как в последние дни не видел его в поле. Может, он передумал?

— Буду сажать, — ответил Цзян Сяои. — Через несколько дней, как только свожу Сяоэра на иглоукалывание.

Дядя кивнул. Главное, что у него был план. Работа в поле хоть и казалась простой, но имела свои тонкости. В какое время года что сажать — всё было важно. Он боялся, что Цзян Сяои затянет, и поздно посаженная соя плохо уродит.

Вечером вернулся отец. С вином он сразу направился в дом старшей ветви семьи.

Получится или нет, но нельзя было позволить людям зря бегать. Если всё сложится, то завтра Чжан Дая вернётся домой, и нельзя же ей ехать с пустыми руками. Всё-таки новая невестка. Отец, подумав, попросил Цзян Сяои заодно купить немного мутного вина. Оно было дешёвым. Отец Чжан Дая был охотником, мяса в доме хватало, а дорогие подарки они позволить себе не могли. Говорили, что отец Чжан Дая любит именно это вино.

Дядя, увидев его, не стал церемониться и сразу сказал, чтобы он не беспокоился. Он всё разузнал: госпожа Лю, кроме любви посплетничать, была неплохой женщиной и ни с кем в деревне не враждовала.

Деревенские женщины, не имея других развлечений, любили почесать языки. Это не считалось большим недостатком.

Жена дяди, улыбаясь, посмотрела на отца Цзян.

— Тогда завтра я попрошу нашу невестку съездить?

Отец Цзян кивнул.

— Да, тётушка, как решите.

Цзян Сяои ждал его, чтобы поужинать. Ужин был простой — большая кастрюля каши из риса с капустой. После еды Цзян Сяои пошёл купать Цзян Сяоэра. Цзян Сяосань, обняв Бай Цзыму, играл рядом. Цзян Сяоэр послушно сидел в тазу и наблюдал. Раздевшись, он был худым, как обезьянка без шерсти. Даже Костяной Демон, увидев его, принял бы за своего сына.

Когда они вымылись и начали одеваться, он спросил Цзян Сяои, нужно ли купать мишку.

Бай Цзыму чувствовал себя некомфортно. Вчера шерсть с одной стороны слиплась от соплей Цзян Сяосаня, и он давно хотел помыться. Услышав это, его глаза заблестели, и он уже

собрался сам залезть в таз, но не успели его короткие лапки двинуться, как Цзян Сяои, не задумываясь, ответил, что не нужно.

Медведь — не человек, чтобы его купать.

Этот парень ещё и по видам дискриминирует!

Цзян Сяои увидел, что тот лезет в таз, не слушается, и, не в силах его вытащить, снова замахнулся, чтобы припугнуть.

Опять этот трюк! Думает, он пугливый? Он, как-никак, суровый мужчина ростом метр восемьдесят семь. Неужели он испугается?

Конечно, нет.

Бай Цзыму послушно вылез из таза.

Цзян Сяои налил таз чистой воды, позвал Цзян Сяосаня и лично проследил, чтобы тот вымылся. Затем он отвёл их в комнату. Когда малыши забрались на кровать и послушно легли, Цзян Сяои уже собирался уходить, как вдруг почувствовал, что его тянут за рукав.

Он подумал, что это Цзян Сяоэр, но, обернувшись, увидел, что это медвежонок. Тот смотрел на него своими большими, влажными глазами, как и вчера.

Сердце Цзян Сяои тут же растаяло.

Но не успел он и слова сказать, как медвежонок, перебирая всеми четырьмя лапами, начал карабкаться по нему вверх.

Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань попытались его стащить, но он отчаянно запищал, будто его ведут на казнь, так что они испуганно отдёргнули руки.

Цзян Сяои, недоумевая, придерживал Бай Цзыму за зад, чтобы тот не упал.

— Что это он делает?

Что делает?

Конечно же, спасается из этого ада.

— Парень, я хочу спать с тобой! — крикнул Бай Цзыму.

Он скорее согласится на сковородку, чем снова спать с этими двумя сорванцами.

В доме Цзян было всего две жилые комнаты. Дом был построен в форме буквы "П": слева кухня, в центре — гостиная, справа — две комнаты. Одна принадлежала Цзян Сяоэру и Цзян Сяосаню, другая — Цзян Сяои.

Бабушка Цзян когда-то была состоятельной, но работа в чайном доме, где она играла на цитре для гостей, считалась не слишком почётной. Выйдя замуж за дедушку Цзян, тот хотел снести старый дом и построить новый, но бабушка остановила его, сказав, что лучше подождать несколько лет. Если они сейчас построят дом, это вызовет зависть и сплетни.

Откуда такое богатство, чтобы строить большой дом с черепичной крышей?

Неужели на музицировании столько заработала? А может, занималась чем-то ещё, постыдным.

Злые языки страшнее острого клинка.

Дедушка Цзян понял её беспокойство и согласился.

Здоровье у бабушки было слабое. После замужества она трижды была беременна, но первые два раза случились выкидыши. Только в третий раз она родила отца Цзян, но это окончательно подорвало её здоровье. Она постоянно лечилась, и деньги в семье постепенно закончились. О строительстве нового дома дедушка больше не думал. Всё равно места хватало.

Дом простоял несколько десятилетий, но люди в нём менялись, и в конце концов остался только отец Цзян.

Позже он женился на Хуан Сюлянь. Та, узнав, что у него есть сбережения и он не так беден, как казалось, видимо, всё ещё надеялась, что Цю Дачжу вернётся с границы, и не собиралась жить с отцом Цзян долго. Поэтому о строительстве дома и речи не шло.

По мнению Хуан Сюлянь, в новом доме ей жить недолго, а если деньги останутся, можно будет время от времени покупать мясо — это куда практичнее.

Поэтому семья Цзян до сих пор жила в старом доме. За десятки лет он сильно обветшал. Черепицу с крыши отец Цзян продал, и теперь она была покрыта соломой. Жилых комнат по-прежнему было две. Раньше в одной жили отец Цзян и Хуан Сюлянь, в другой — Цзян Сяои и Цю Цуйцуй. После развода отец Цзян стал жить один. Год спустя, когда Хуан Сюлянь прислала двух сыновей, он спал вместе с ними. Так продолжалось до четырёх лет, пока храп Цзян Сяосаня не стал таким невыносимым, что отец Цзян больше не мог спать. Увидев, что они могут спать одни, он, дорожа своей жизнью, перебрался из комнаты.

Он предпочитал спать в гостиной, чем делить комнату с сыновьями. Но поскольку это была комната для приёма гостей, а осенью там ещё и хранили кукурузу, места было мало. Поэтому отец Цзян пристроил у левой стены кровать шириной около метра двадцати. Бай Цзыму видел её в первый же день и не хотел спать там с отцом Цзян, боясь, что тот случайно его раздавит.

Цзян Сяои, конечно, не понимал его речи. Он попытался отцепить его, но стоило ему приложить усилие, как медвежонок оскалился и ещё крепче вцепился в него всеми четырьмя лапами, прижавшись к нему всем телом.

Цзян Сяоэр почесал голову.

— Брат, может, мишка пить хочет?

Цзян Сяои, не зная, что делать, решил попробовать. Он налил из кувшина на столе миску воды, но медвежонок, лишь взглянув на неё, зарылся лицом ему в грудь.

— Не пить? — Цзян Сяоэр моргнул. — Тогда что он хочет? Молочка?

Лицо Цзян Сяои вспыхнуло. Он мысленно закатил глаза и, не говоря ни слова, шлёпнул Цзян Сяоэра.

Тот, прикрыв голову, замолчал, не смея больше ничего говорить.

Цзян Сяои и так устал. Теперь на нём висел медвежонок, он не понимал, чего тот хочет, отцепить не мог, а бить было жалко.

Всё-таки он был очень милым.

Цзян Сяосань некоторое время наблюдал со стороны, и вдруг его осенило, словно он стал героем мультфильма, и его IQ подскочил до трёхсот.

— О, брат, — его глаза заблестели, он топнул ножкой по кровати. — Может, мишка хочет спать с тобой?

Цзян Сяои удивился.

— Правда?

— Точно! — самодовольно заявил Цзян Сяосань, уверенный, что разгадал тайну. — Сяосань самый умный, так и есть, точно.

Цзян Сяоэр покосился на него.

— Ага.

<http://bllate.org/book/13701/1583274>